

П. Дмитриев

*Музыкальная библиотека Санкт-Петербургской академической филармонии
им. Д. Д. Шостаковича*

Вино в поэтическом тезаурусе М. Кузмина

Вероятно, было бы крайне самонадеянным поступком со стороны любого исследователя в кратком обзоре исчерпать такую благодарную тему, как «Поэт и Вино», потому автор этих строк ограничился легким абрисом темы, или подтемы, которую следует назвать «Вино в поэтическом тезаурусе Кузмина», или еще проще «Вино в поэзии Кузмина». Хотя, безусловно, вне жизненного контекста рассматривать поэтическое творчество, если речь идет о таком важном предмете, тоже было бы неправильно и, таким образом, мы должны ответить себе попутно на вопрос были ли у Кузмина какие-либо вкусовые предпочтения в этой области.

В случае с Кузминым и вообще, с заданной темой было бы показательно начать с какого-нибудь воображаемого социологического опроса. Так, если остановиться на стогнах нашего града какого-либо беспечного прохожего, только слышавшего о Кузмине, но не изучавшего его глубоко, и попросить вспомнить какую-либо строчку из этого поэта, то примерами, скорее всего, окажутся: что-либо из «Александрийских песен», но, с еще большей долей вероятности, другое — «Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку / И вишень спелых сладостный агат».¹

Действительно, образы этого стихотворения необыкновенно ярки и как будто визуально осязаемы. Но и звуковой регистр не менее важен. Если вслушиваться в эти строки и попытаться найти главную звуковую точку, то ею окажется, скорее всего, словосочетание «шабли во льду» (шабли-во-льду) или, если совсем кратко — просто

«шабли». Может быть, это происходит оттого, что слово это иностранное, несклоняемое, может быть, потому что обозначает винодельческий регион Северной Бургундии, т. е. вина (группу вин) с какими-то особыми свойствами. Если мы даже ничего не знаем об этом вине, то вправе предположить, что в описанный жаркий день герои стихотворения утоляют им жажду, вероятно, вино холодное, и — следовательно — белое. Собственно, свойства вина шабли — не тайна.

Пусть сказанное будет неким прологом к нашей заметке, а само стихотворение Кузмина окажется необычайно важным (и не только для раскрытия нашей темы, но для всего его творчества). Пока же просто отметим это и вернемся к стихам Кузмина в их хронологической последовательности, которую позволю себе несколько раз нарушить, но в целом буду стремиться для пользы дела ее держать. Нам было не уйти и от кажущегося формальным деления вина на красное и белое, поскольку различие тут не столько в цвете, но в самих фундаментальных свойствах, как вкусовых (воздействующих на организм), так и эстетических (влияющих на душу).

Кстати, если говорить о вине в повседневном быту Кузмина, о котором мы можем судить, прежде всего, по его дневнику, то хотя упоминания вина там довольно часты, но обычно лишены каких-либо коннотаций, чаще всего просто отмечено «пили вино» (об исключениях еще пойдет речь ниже).

Если начинать обзор со стихов еще «допоэтического» периода творчества Кузмина (т. е. до первых публикаций в журнале «Весы» в марте 1906 года, — кстати, первая подборка открывалась, как известно, стихотворением — «Где слог найду, чтоб описать прогулку...»), обращает на себя внимание то, что вино в стихах Кузмина все сплошь красное (или никак не охарактеризованное). Впрочем, и это вино по большей части красное, как видно из сопутствующих характеристик.

Возможно, самый ранний пример, где и вина-то нет, но есть его атрибуты — первое опубликованное (в 1898 в виде нот) стихотворение — «Бледные розы». В этой статической (нет ни одного глагола) картине любовного свидания есть строчка «Сумрак... Бокалы старинные...».² Бокалы, очевидно, с вином, а каким — предстоит только догадываться, наше предположение — с красным.

В ранних сонетах, стилистически и хронологически примыкающих к циклу XIII сонетов, опубликованном в «Зеленом сборнике стихов и прозы» (1905, фактически 1904), и отнесенных в издании «Новой библиотеки поэта» к 1904–1905 годам вино, как кажется, по преимуществу красное. Два заключительных терцета из 16-го сонета («Прекрасен я твоею красотой...»):

И в той стране, где ты и я одно,
Смешались чудно жертва и убийца,
Сосуд наполненный и красное вино,

Иконы и молитва византийца,
И, тайну вещь пленительно тая,
Моя любовь и красота твоя.

(614)

Отметим здесь близость словосочетания «красное вино» слову «убийца», вызывающего благодаря этому дополнительную ассоциацию с кровью.

В 14-м сонете («Любим тобою я — так что мне грозы?») первый терцет звучит так:

И время будет: в пьяное вино
Любовь и слезы дивно обратятся.
Воочию там ты и я — одно...

(613)

Здесь налицо также игра с христианской символикой через слово «обратятся».

В 6-м стихотворении цикла «Харикл из Милета» (1904), где маг наставляет молодого Харикла и, между прочим, дает совет:

Скорым быть, радости вестник, тебе надлежит; осушивши
Кубок до дна, говори: «Выпил до капли вино».

(605)

цвет и качество вина не вполне отчетливы, и все же, скорее всего, это красное.

В основном корпусе «Александрийских песен» (включенном в книгу «Сети», 1908) упоминания вина, как ни странно, немного-

численны. Лишь во втором стихотворении цикла «Мудрость» («Что ж делать...») где многократно повторяется один и тот же вопрос по отношению к разным предметам, в список грядущих утрат попадает и вино:

Что ж делать,
<...>
что выпьется вино,
улетучатся ароматы
и сами дорогие ткани
истлеют через столетья?
(121–122)

В в 3-м стихотворении цикла «Канопские песенки» и вообще речь идет о винограде. Первый раз в аллегорическом ключе:

Ах, наш сад, наш виноградник
надо чаще поливать
(131)

и во второй раз — в прямом (пятая «песен(ь)ка»). Отметим, что и в более позднем стихотворении «Медяный блеск пал на лик твой» (1922) присутствует аллегоризм библейского типа при упоминании виноградника:

Отдай виноградник проходим,
Стань проходим —
И каждый виноградник — твой.
Чего тебя могут лишить,
Когда у тебя нет ничего?
(648)

Несколько богаче в этом отношении «Александрийские песни», не попавшие в основной корпус, которым образ красного вина довлеет по своей природе. Таких примеров три:

Говоришь ты мне улыбаясь:
«То вино краснеет, а не мои щеки,
То вино в моих зрачках играет;
Ты не слушай моей пьяной речи».
(2. «Говоришь ты мне, улыбаясь...»
(615)

Будем опять кататься по морю,
Пить терпкое вино в глиняных кувшинах,
Слушать флейты и бубны
И смотреть на яркие звезды.
(4. «Что ж делать, что ты уезжаешь...»), 616)

Терпкостью обладает, конечно, только красное вино. Наконец, в стихотворении 1. «Не во сне ли это было...» лирический герой, поглощенный этим вопросом, сетует:

И пил вино из глиняного кубка,
И возвращался домой одиноким?
(615)

Напомню, что 18 января 1906 года в жизни Кузмина произошло поистине историческое событие — посещение «Башни» Вяч. Иванова. Примечательна для нашей темы запись в дневнике:

Поднявшись по лифту в 5-й этаж, мы нашли дверь незапертою и прямо против входных дверей длинный стол с людьми, вроде трапезы. В комнат<е> с скошенным потолком, в темно-серых полосатых обоях, горели свечи в канделябрах и было уже человек 40 людей. Хозяйка, Гера, в красном хитоне встречала гостей приветствием. <...> Было красное вино в огромных бутылках, и все пили и ели, как хотели.³

Известно, какое прочное и, вместе с тем, своеобразное положение Кузмин занял в доме Вяч. Иванова. Уже к весне он явился активным организатором поэтического (и, одновременно, эротического) объединения «Друзья Гафиза» (или «Гафизиты»). Об этом к настоящему времени написано уже довольно много,⁴ ограничимся лишь упоминанием двух стихотворений, посвященных Кузминым гафизитам. Одно из них называется «Друзьям Гафиза», другое начинается «Нежной гирляндю надпись гласит у карниза» и в нем привлекают внимание следующие строчки:

Нам утеха —
Привкус меха
И движенья кравчих стройны.
В нежных пудрах
Златокудрых
Созерцаем мы с любовью,
В круге мудрых

Любомудрых
Чаши вин не пахнут кровью.

(618)

Очевидно, вино тут красное: с одной стороны — отсылка к Гафизу, а это определенно красное вино (другого в персидской традиции не просматривается), с другой стороны — последняя, едва ли не богохульная сентенция (во всяком случае, в христианской среде), которую, быть может, уместно толковать как апофеоз беззаботности, и тонкое противопоставление собраний гафизитов Ивановским философским симпозионам, происходившим на Башне.

Написанное примерно тогда же, в 1906 году, и положенное на музыку стихотворение «Если б ты был небесный ангел...» дает портрет современного молодого человека, снабженного характерными чертами и привычками, отсутствующими у ангелов — «Не пил бы ты vino Chianti» (619). Кьянти — тосканское красное вино, хотя, во времена Кузмина существовал и Chianti bianco. Минуя «Куранты Любви», эту своеобразную вокально-танцевальную сюиту, также написанную в 1906 году, отметим только монолог Прохожего из картины «Осень», любопытный своим иносказательным описанием вина, делающим его тождественным любви методом искусного наложения сущностей, если можно так сказать.

И вот, мы подошли к сборнику «Сети», открывающемуся (если не считать вступительных «Моих предков») пресловутыми «Шабли во льду». Но от них пойдет другая линия, а прежде завершим первую. Стихотворение «Мои предки», как известно, начинается так:

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимающая веселых иностранок...

(57)

Конечно, моряки пьют красное вино. А почему? Цвет, вернее, оттенок вину дает эпитет портов — темные. Отметим также, что в разных местах «Сетей» встречается основной атрибут винопития — чаша, однако, всякий раз она употребляется для другого, а не для вина. Это и «кубок томных нег» (Любви утехи: К рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж», 76), и чаши любви:

Полны, полны наши чаши —
Пить до дна,
(Ракеты. Обманщик обманувшийся.
5. Где сомненья? где томленья?)

(89)

Наконец, чаша как сердце или сердце как чаша (хотя и здесь не обойтись без «винных» коннотаций):

Сердце, как чаша наполненная, точит кровь:
Алой струею неиссякающая течет любовь...

(105)

Воспользуемся этой темой (любви и крови), чтобы перекинуть мостик ко второму поэтическому сборнику Кузмина «Осенние озера» (1912), а именно к 9-му стихотворению цикла «Маяк любви», начинающееся такими строчками:

Над входом ангелы со свитками
И надпись: «Плоть Христову ешь»...

(168)

Здесь, надо признаться, смущает отсутствие пары «Плоть Христова» — «Кровь Христова». Можно предположить, что лирический герой в своем любовном томлении просто не видит второй части надписи, протянутой ангелами, т. е. его слепота как бы подчеркивает глубину его переживаний?

Продолжая обзор циклов «Осенних озер», резонно будет надеяться, что тема вина окажется центральной в цикле «Венок весен» — этом изысканном упражнении в подражании персидским поэтам эпохи расцвета, прежде всего Гафизу (Хафезу). Вино у Кузмина в этом цикле лишено той двойственности, которой оно обладает в суфийской традиции, переданной нам через великих персидских поэтов, т. е. представлено лишь прекрасным напитком без обертонов божественной любви.

В центре 9-го стихотворении «Венка весен» — «Всех поишь ты без изъятья, кравчий» — сентенция:

Ты не лей вина с избытком в чашу:
Ведь вино — плохая сватья, кравчий!

(195)

Виночерпий упоминается и в 13-м стихотворении цикла:

Здесь не пляска пьяных кравчих, с блеском глаз стекла светлей...
(196)

Вино здесь все — красное, что подтверждается строкой стихотворения 18-го:

Наполняя, подымая кубок темного вина,
Провожу я ночи бденья, повторяя танец мук.
(199)

Наконец, с самим цветом вина идет игра в стихотворении 26-м («Он пришел, угрозы тая, красный в красном»), и заканчивается оно патетически:

Даст вина, что жгучей огня, красный в красном!
(202)

Так, в «Венке весен» мы получаем ожидаемое — фигуру виночерпия и красное вино совсем в традициях персидской поэзии (за исключением самой божественной метафизики вина, о чем было сказано в начале обзора «Венка весен»).

В книге «Глиняные голубки» (1914) мы сталкиваемся с метафорическими оборотами, типа «Я твой до дна... бери и пей», о присутствии же белого вина речь еще пойдет впереди. В книге «Вожатый» (1918) говорится не о вине, а о винограде: «Точило холодное жмет / живой виноград» («Враждебное море», 336), но также, скорее, в метафорическом смысле. И в «Нездешних вечерах» (1921) сталкиваемся с тем же словоупотреблением. При описании природы в ряду других сравнений сказано: «Винно-лиловые грозди / Спустит с небес лоза» (421), из контекста понятно, что речь идет о тучах («Пейзаж Гогена (второй)»). И, напротив, тут же мы сталкиваемся с осязательной конкретностью: «В лазурной пыли / Отяжелевшая лоза» (заключительные строчки стихотворения «Италия», 453).

Несколько выбиваясь из хронологии, закончим первую часть своего обзора строчкой из песенки марсельских матросов, написанной в 1917 году, — «Славный городок Марсель...», где сказано «Чаркой друга помянуть / И опять в далекий путь / Такова у нас судьба».⁵ Полагаем, что вино в данном контексте красное, и никакое иное.

Таким образом, в первой части обзора были даны образцы вина красного, вина неопределенного, примеры метафорического употребления вина и связанной с винопитием атрибутики, примеры винограда, виноградника, виноградаря и виночерпия.

Но главный акцент нам хотелось бы сделать во второй части обзора на белом вине, поскольку, как кажется, оно в большей степени соответствовало, как личному вкусу Кузмина-человека, так и мировоззрению Кузмина-поэта.

Вернемся к первой книге «Сети». Стихотворение с «шабли во льду» во всех смыслах «программно» для творчества Кузмина. Дневник дает возможность проследить в деталях обстоятельства написания этого стихотворения (а весь цикл, как известно, был создан в конце июня–августе 1906 года и посвящен новому любовнику Кузмина — юноше без определенных занятий из Вологодской губернии, Павлу Константиновичу Маслову («Павлику Маслову»), т. е. собственно «любви этого лета», растянувшейся, правда почти на год). Дневник за 27 июня 1906 год дает картину «страшной жары» и любовной ночи, а заканчивается фразой «В четверг хорошо бы съездить в Сестрорецк вместе, купаться в море, есть вишни, обедать».⁶ Здесь, как видим, зарождается мысль о поездке, фигурируют море и вишни... На следующий день:

28 июня. Пошел в Тавриду <имеется в виду Таврический сад. — П. Д.>, внезапно увидел Нувель, он вчера приехал; я был страшно рад, звал его завтра, сегодня пить чай. <...> Пройдясь немного, пошли домой. <...> Играли Шуберта и «Faust'a». Было очень жарко, и Нувель сидел без пиджака; пили Шабли и ели сладкое, горели свечи. <...> Завтра собир<аюсь> в Сестрорецк.⁷

В центре этого эпизода впервые возникает вино Шабли. 29 июня компания отправляется в Сестрорецк:

Была невероятная жара, особенно в вагоне, Павлик совсем раскисал. Посмотрев немного на детский бал, пошли на берег, где встретили Ну-рока и стали купаться в «выездных бричках» из вывезенной лошадью кабины. Было чудное солнце и вода в море тепла и мягка, купальные костюмы дают возможность ходить на виду не одетыми и даже, сказал бы, более раздетыми, чем без ничего. Потом обедали; Павлик повеселел, оживился, было очень, очень приятно. <...> Посидев и погуляв немного, опять стали купаться. <...> Потом гуляли в лесу, пили пиво, ели мороженое и поехали весело в город.⁸

Как видим, в самый день пресловутой прогулки Кузмин с друзьями пили не благородное Шабли, а пошлое пиво, однако на следующий день, 1906 г., компания представлена в другом виде: Кузмин, Нувель, Сомов и Павлик Маслов, и наконец появляется вино:

30 июня. В<альтер> Ф<едорович> сначала был скучноват, но Шабли на всех подействовало, и я не очень огорчился и когда В<альтер> Ф<едорович> меня изволил, и когда на обратном извозчике целовался с Павликом.⁹

Через несколько дней описывается новое приключение (на пароходе):

3 июля. Народу не было Сомову, кажется, нравилось. Ели, пили и Шабли, и глинтвейн, и кофе без цикория. Поехали все вчетвером на одном извозчике под капотом и все целовались, будто в палатке Гафиза. Сомов даже сам целовал Павлика, говорил, что им нужно ближе познакомиться и он будет давать ему косметические советы.¹⁰

И из всего этого житейского сора возникло превосходное стихотворение, открывающее в «Сетях» цикл «Любовь этого лета», а впервые опубликованное в мартовской книге «Весов» за 1907 год.

Итак, первое вино, которое назвал сам Кузмин — это Шабли. Оно присутствует и в его жизни, как можно судить по дневнику, в 1907, 1908, 1912, 1913, 1920, 1921, 1922 и 1924 годах, причем не только летом, но и в другие времена года. К примеру, запись за 28 декабря 1924 года:

Ветер, тепло и довольно светло, скользко. Дремал. Я все не высыпаясь. Брился. Явилась Волкенау с бутылкой шабли.¹¹

Речь идет о посещении Кузмина сотрудницей московской ГАХН для собирания материалов для доклада о его творчестве, что и было осуществлено спустя несколько месяцев.

Вернемся к стихам. В другом своем цикле «Прерванная повесть», так же (как и «Любовь этого лета») вошедшим в первую поэтическую книгу Кузмина «Сети» шабли присутствует уже не только как вино, но как название стихотворения (в оригинале и не названного) и воспринимается как автоцитата:

Мы верны правилам веселого быта —
И «Шабли во льду» нами не позабыто.

(69)

Это стихотворение «Счастливым днем» (как и весь цикл) обращено к художнику Сергею Судейкину, роман с которым бурно переживался в конце 1906 года, и (даже, если бы такие документы, как дневник, оставались нам неизвестными), то уже по этой цитате понятно, что в кругу друзей Кузмина его «первое» стихотворение, еще не будучи опубликованным, стало уже некоторой жизненной программой, своего рода манифестом.

«Манифестальность» шабли утверждается и много позже. В стихотворении (поэме?) «Сестрорецк» (1923), не опубликованной при жизни Кузмина и состоящей из ряда описаний бальнеологического курорта на Финском заливе (или, точнее, стихотворных подписей к картинкам), в черновой его редакции («Поездка») присутствуют такие строки:

Проголодавшихся отрада, —
Их ожидает эспланада
И мной воспетое шабли.
<...>
И зайчик добежал до дна
В стакане белого вина.¹²

Как видим, сам Кузмин понимал значительность именно этого своего стихотворения в собственной творческой судьбе.

Прежде, чем продолжить обзор вкраплений белого вина в поэзию Кузмина, обратимся к свидетельствам современников. Первое среди них — воспоминания И. А. Лихачева, записанные Геннадием Шмаковым в конце 1960-х годов, а опубликованные недавно Жоржем Шероном в журнале «Звезда». Между прочим, Лихачев замечает:

Он был на редкость уютный человек даже в своих пристрастиях к пряникам, меду, повидлу, чаепитию из самовара, мозельскому или рейнскому вину, даже Дебюсси и Моцарта — своих любимцев — он играл именно уютно.¹³

Речь, как видно, идет тут не о шабли, но также о белых винах. Лихачеву вторит Всеволод Петров (в своем известном очерке «Калиостро»):

В тот вечер <чуть позже сказано, что это было 1 декабря 1934 — П. Д.> Кузмин пригласил меня остаться после обычного чаепития. Гости разошлись. За бутылкой белого вина мы остались втроем — Михаил Алексеевич, Ю. И. Юркун и я. По моей просьбе Кузмин сначала играл на рояле и пел слабым, необыкновенно приятным голосом «Александрийские песни» и отрывки из «Курантов любви». ¹⁴

Теперь продолжим наш обзор и постараемся понять, почему именно белому вину Кузмин отдавал предпочтение. Минуем книгу «Осенние озера», не содержащую упоминаний белого вина, и остановимся на сборнике «Глиняные голубки». 6-е стихотворение цикла «В дороге», посвященного Юр. Юркуну, начинается такими строками:

Вы — белое бургундское вино,
Где дремлет сладостно струя шампани...
(234)

Переводя это высказывание в прозаический план, мы получаем образ спокойного внешне человека, в котором таится какая-то внутренняя сила, быть может, нечто непредсказуемое. А передан этот образ с помощью смешения двух белых вин из двух разных винодельческих регионов (Бургундии, — так что это может быть то же Шабли, и Шампани).

В другом цикле «Ночные разговоры», также посвященном Юркуну, в первом стихотворении «Вы думаете, я влюбленный поэт?», где, как справедливо отмечено тридцать лет назад Клаусом Харером, ¹⁵ дается метаописание тела возлюбленного как своего рода пейзажа, присутствуют и такие строки:

О, янтарная роза,
розовый янтарь,
топазы,
амбра, смешанная с медом,
пурпуром слегка подкрашенная,
монтраше и шабли,
смирнский берег
розовым вечером...
(255)

Не будем сейчас пытаться установить соответствие между описанием и географией тела возлюбленного Кузмина, заметим только,

что Монтраше (Mont Raché, т. е. в современной русской транскрипции правильное — «монраше»), это белое вино, изготавливаемое из винограда Шардоне. Здесь, как и в предыдущем примере, мы видим, если не смешение, то опять сочетание двух разных белых вин.

В третьей части «Глиняных голубок» — «неоконченном романе в отрывках» «Новый Ролла» — вино упомянуто дважды: в первой части «Венеция»

Ты помнишь комнату и свечи,
Открытое окно,
И песню на воде далече,
И светлое вино?

(279)

и в третьей — «Опять Венеция», — где белое вино приобретает оттенок, который, как нам кажется, будет важен для Кузмина в последствии:

Опять, как встарь, открыта дверь балконная —
Опять, как встарь...
Вино желто в бокалах, что янтарь,
А ночь струит мне волны благовонные,
Опять, как встарь.

(290)

Здесь мы (кажется, в первый раз) сталкиваемся с цветовой характеристикой белого вина — оно желтое или делается (или кажется) таковым. Пока просто отметим это и перейдем к другим примерам.

В книге «Вожатый» это, конечно, цикл «Вина иголки». Первое его стихотворение начинается строчкой «Вина весеннего иголки». Здесь все видится прозрачным, иголки в вине — явно относятся к шампанскому, или, по крайней мере, игристому вину:

Вина весеннего иголки
Я вновь принять душой готов, —

Однако следующие две строчки колористически несколько спорят с предыдущими:

Ведь в каждой лужице — осколки
Стекло-алых облаков.

(313)

Далее должно быть упомянуто стихотворение «Ангел благовестующий» из цикла «Плен», навеянное революционными событиями 1917 года (не опубликованном при жизни Кузмина). Приведем большой отрывок:

И острое жало
Вина и любви
Ломалось в луче
(Помните?)
И в том небывалом,
Немного в Чикаго сделанном,
Что гуляет на твоих страницах,
В высоких дамских сапожках,
То по литовским полям,
То по американским улицам,
То по утренним, подозрительным комнатам,
То по серым китайским глазам,
Капризном, земном,
Лукавом, иногда вверх ногами
(И рейнвейн не прольется?)
Солнце, —
Я вижу,
Что вернется
Крылатый блеск,
И голос, и трепет,
И снова трех жизней окажется мало,
И сладким отчаяньем замрет сердце,
А ангел твердит: «Пора!
Срок твой не так уж долгод!
Спешу, спешу!
Разве не радостен скрип пера
В заревой тиши,
Как уколы винных иголок!»
И сон пройдет,
И мир придет,
Перекрестись, протри глаза!
Как воздух чист,
Как зелен лист,
Хотя была и не гроза!
Снова небо голубыми обоями оклеено,
Снова поют петухи,
Снова можно откупорить вино с Рейна
И не за триста рублей купить духи.
И не знаешь, что делать:
Писать,

Гулять,
Любить,
Покупать,
Пить,
Просто смотреть,
Дышать,
И жить, жить!
(640–641)

В процитированном фрагменте царит какое-то солемническое настроение и впервые белое, очевидно рейнское, вино поставлено рядом с солнцем. Так же, как и прежний пример, запомним и этот.

Следующие два примера из книги «Параболы» (1923) не дают вина, но повествуют о винограде (виноградине), один раз проникаемой лунным лучом:

Лунный луч через желтую пропустить виноградину,
(«Сквозь розовый утром лепесток посмотреть на солнце...», 504)

в другом примере, предположительно — солнечным:

Румяно руки всплыли, —
Султанский виноград —
Розовоцветной пыли
Разбился водопад.
(485)

Это пример из стихотворения «Купанье» (1921), султанский виноград — сорт светлого винограда для изготовления изюма и белого вина. Последний пример — поэма «Лесенка»:

Мыс запылал меж корабельных петель,
Вином волна влачится за кормой.
(516)

Возможно двоякое толкование: если речь идет о волне, главное свойство которой ее пенистость, то это один образ, однако нам кажется, что здесь, скорее, присутствуют другие свойства, такие как прозрачность, проникаемость, мягкость.

Вместе с тем Кузмин в 1920-е годы широко пользуется метафорой «брызжет как вино» для широкого круга явлений.

Подпись к 8-й картинке уже упомянутой поэмы «Сестрорецк» (описание бассейна) — наглядный тому пример:

Несется смех свежей рейнвейна...
Балкон... кабинки — все полно.
Искристо брызжет, как вино,
Взмятенная вода бассейна...¹⁶

То же метафорическое употребление мы встречаем и в «Новом Гуле» (1924), в этом цикле, где, как сказано поэтом, «есть много лиц, и книг, и вин»¹⁷ (526):

А словно брызнуло вино
Воспоминаний. Муза вновь,
Узнав пришелицу-любовь,
Черту проводит чрез ладонь...
Сферически трещит огонь...
(«Античность надо позабыть...», 522)

Верные хронологии, процитируем теперь стихотворение «О чем кричат и знают петухи...» (1924, декабрь), в котором, как кажется, утверждаются новые свойства вина, связанные с его солнечностью, и именно, в двух заключительных строках:

Не ломкий лед, а звонкое вино
Летучим пало золотом на дно.
(666)

Итак, белое вино обладает янтарной желтизной, солнечностью, золотистостью, кроме того, оно еще и может быть звонким.

И последнее. Вино в сборнике «Форель разбивает лед» (1929), в котором, можно заметить, как образ вина «яснеет» (воспользуемся тут кузминским поэтическим образом) от первого цикла, поэмы «Форель разбивает лед» к последнему, поэме же «Лазарь». В первом цикле или поэме «Форель разбивает лед» вино проявляется три раза, в первый раз, во «Втором ударе» вино только подразумевается («Тихо капает кровь в стаканы», 534), причем, понятно, что вино в стаканах — красное. Второй пример — «Девятый удар»:

Не разгул — опрятное веселье,
Гладкие, приятные слова,

Не томит от белых вин похмелье,
И ясна пустая голова.¹⁸

(541)

Наконец, 12-й удар. Новый год встречается традиционным шампанским:

Чтя обряды вековые,
Из бутылки пробка — хлоп!

(545)

В 3-м стихотворении цикла «Северный веер» нарисована такая картина:

О, завтрак, чок! о, завтрак, чок!
Позолотись зимой, скачок!
Румяных крыльев какая рань!
Луком улыбки уныло рань.
Холодный потик рюмку скрыл,
Иголкой в плечи — росточек крыл.
Апрель январский, Альбер, Альбер,
«Танец стрекоз», арена мер!

(554)

Между прочим, единственный реалистический зримый образ в этом абсолютном герметическом стихотворении — белое вино в запотевшем от холода стеклянном бокале¹⁹.

В цикле «Для Августа» содержится лишь косвенное упоминание вина. Когда поэт пишет: «В одной из светленьких кают / Уж скоро рюмки запоют» (562), мы склонны видеть здесь какой-то обмен свойствами, цветом или светом (1. Ты). В четвертом же стихотворении («Тот») тоже речь идет не о вине, но лишь о звуке: «Звенят, звенят невыносимо / Иголки, искры и вино» (565), но этот звон таинственный, к винопитию он отношения не имеет.

Но вся метафизика, связанная с белым вином, если, конечно, она вообще была у Кузмина, концентрируется в последнем цикле книги (или поэме) — «Лазарь» (1928). Забегая вперед, скажу, что всему этому циклу довлеет золотой цвет или свет (как символ вечности). Свойствен он и упоминаемому белому вину (как понятно, рейнвейну, впрочем, название тут не столь важно, и вызвано, скорее, «географией» «Лазаря»).

Формируется же этот образ несколько исподволь. Возьмем 3-е стихотворение «Мицци и Марта».

Ну, а друзья? Да что же друзья? Какое им дело:
Музыка, танцы, игра, вечно вино на столе.
А Вилли — брат любимый;
Румян, высокий рост,
И сердце золотое,
И нравом очень прост.
Вилли несчастный, милый мой друг,
Зачем это время я вспомнил вдруг?
(573)

Здесь цвет (а через него свойство) принадлежит не вину, а сердцу, но в дальнейшем мы увидим, как скоро произойдет их слияние. В пятом стихотворении «Суд» в послании, или, можно сказать, благой вести Эммануила Прошке, этого гостя из другого мира, мы видим ряд образов, выстроенных уже иначе, где золотое свечение проникает всё вокруг:

Пятая сестра к нему подходит,
Даст вкусить от золотого хлеба,
Золотым вином его напоит:
Золотая кровь вольется в жилы,
Золотые мысли — словно пчелы,
Чувства все вернутся хороводом
В обновленное свое жилище.
(576)

Колористическую кульминацию мы наблюдаем в 12-м стихотворении «Посещение», где Эммануил Прошке приходит в тюрьму к Вилли:

В окне под потолком *желтеет* липа
И виден *золотой* отрезок неба.
Так тихо, будто вы давно забыты,
Иль выздоравливаете в больнице,
Иль умерли, и все давно в порядке.
Здесь каждая минута протекает
Тяжелых, полных шестьдесят секунд.
И сердце словно перестало биться,
И стены *белы*, как в монастыре.
Когда раздался хриплый скрип ключа,

Сидевший у стола не обернулся,
А продолжал неистово смотреть
На *золотую* липу в небе *желтом*.
Вот перед ним какой-то человек.
Он в волчьей шапке, с черной бородою,
В руках он держит круглый *белый* хлеб
И узкогорлую бутылку с рейнским.²⁰
(587)

Рейнское, как понятно, тоже золотое. Показателен и диалог Эммануила Прошке с Вилли:

— Я вам принес хорошего вина.
Попробуйте и закусите хлебом.
— О, словно золото! А хлеб какой!
Я никогда такой не видел корки!
Вливается божественная кровь!
Крылатыми становятся все мысли!
Да это — не вино, не хлеб, а чудо!
(588)

Заметим в скобках, что при чтении этих строк трудно отогнать от себя ассоциацию с пресловутым «манифестальным» стихотворением Кузмина (в центре которого среди зрительно осязаемых образов — «шабли» («хорошее вино») и «поджаренная <т. е. с коркой. — П. Д.> булка»).

Эммануил выводит из тюрьмы Вилли, последние слова которого:

...Я разучился уж ходить...
Я не дойду. Какое солнце! Липы!
(588)

И наконец, 13-е, заключительное стихотворение, «Дом» также содержит эпитеты «золотой»:

Смешной нам выдался удел.
Ты, братец, весь позолотел:
Учитель, верно, дал покушать?..
Его по-детски надо слушать:
Он сделал всё, что он умел.

Взгляни с балкона прямо вниз:
Растет малютка-кипарис,
Всё выше траурная крошка!
Но погоди еще немножко —
И станет сад как парадиз!..

Как золотится небосклон!
Какой далекий, тихий звон!
Ты, Вилли, заиграл на скрипке?
Кругом светло, кругом улыбки...
Что это? сон? знакомый сон?.. —

А брат стоит, преображен,
Как будто выше ростом он...
Не видит он, как друг хлопочет —
Вернуть сознание Мицци хочет —
И как желтеет небосклон...

(589–590)

Нам представляется вероятным, что кроме вкусовых или физических качеств (как то освежающие его свойства или отсутствие похмелья), белое вино для Кузмина было символически связано с солнцем, светом, раем.²¹ В этом смысле поэма «Лазарь» помогает приблизиться к пониманию, быть может, одной из глубинных мифологических основ поэтического сознания Кузмина.

¹ Кузмин М. Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 1996. С. 59. Далее стихотворения и поэтические фрагменты цитируются (кроме специально оговоренных случаев) по данному изданию; номер страницы приводится в тексте в скобках. Сразу придется оговориться — такого написания («вишень», с «ь» на конце) читатель не встретит ни в одном издании, где воспроизводится это стихотворение. Кузмин, однако, был столь последователен (это видно по его рукописям) в написании существительных такого типа (женского рода во множественном числе и родительном падеже — песень, вишень, пашень, башень и т. д.), что, кажется, уже можно было бы его легализовать в публикуемых теперь текстах. Так и с «Прогулкой», в автографе — «вишень» (РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 6). Пользуюсь случаем поблагодарить М. В. Акимову, проверившую по моей просьбе написание в архиве.

² Кузмин Михаил. Стихотворения. Из переписки / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. М., 2006. С. 13.

³ Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Подгот. текста, коммент. и вст. ст. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 101–102.

⁴ Богомолов Н. А. Петербургские гафизиты // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 67–98; Шишкин Андрей. Симпозион на петербургской Башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 273–352. (Альманах «Ка-

нун»: Вып. 3); *Богомолов Н. А.* Из «башенной» жизни 1908–1910 годов // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 35–52.

⁵ *Кузмин Михаил.* Стихотворения. Из переписки. С. 74.

⁶ *Кузмин М.* Дневник 1905–1907. С. 183–184.

⁷ Там же. С. 184.

⁸ Там же. С. 185. Слово, прочтенное комментаторами дневника как «брючках», исправлено нами по смыслу на «бричках». Имеются в виду так называемые «купальные повозки», вывозившие купающихся с прибрежного мелководья Финского залива на относительную глубину.

⁹ Там же. С. 186.

¹⁰ Там же. С. 189.

¹¹ Там же.

¹² *Кузмин Михаил.* Стихотворения. Из переписки. С. 117.

¹³ *Лихачев Иван.* О Кузмине / Публ., вступ. заметка и примеч. Жоржа Шерона // Звезда. 2014. № 9. С. 161.

¹⁴ *Петров Вс.* Калиостро // Петров В. Н. Турдейская Манон Леско. История одной любви: Повесть. Воспоминания. СПб., 2016. С. 172.

¹⁵ *Harer Klaus.* Michail Kuzmin: Studien zur Poetik der frühen und mittleren Schaffensperiode. München, 1993. S. 87–89.

¹⁶ *Кузмин Михаил.* Стихотворения. Из переписки. С. 118.

¹⁷ То же примерно находим и в строчке «Крестильным звоном задрожал хрусталь...» из первого стихотворения «Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!» (520), где хрусталь — метатеза хрустальных бокалов с вином, возникший как аллитерация «крестильного», что в свою очередь должно ощущаться как «новая жизнь».

¹⁸ Не можем не коснуться и непоэтической темы «похмелья», несколько раз проступающей в поэтическом массиве Кузмина. Парадоксальным образом практически все его упоминания связаны с метафорическим словоупотреблением. Так по разу встречается похмелье в книге «Осенние озера» («Когда и как придешь ко мне ты», 143) и в «Вожатом» («Вдали поет валторна...», 321). «Весеннее похмелье» находим в «Новом Гуле» в стихотворении «Разлетаются, как птицы...» (523). Таким образом, в «Форели» мы видим едва ли не единственный случай прямого использования понятия похмелья. Однако в то же время на низовом уровне — это свойство белого вина (отсутствие похмелья), можно также считать в ряду качеств, за которые его ценил Кузмин.

¹⁹ Правда, слово «рюмка» провоцирует и другие ассоциации, но водка, насколько известно, не входила в число напитков, которые Кузмин дарил своим вниманием, не встречается она и в стихах.

²⁰ Курсив мой. По существу, следовало бы выделить курсивом «рейнское» как носителя белого, желтого или золотого цвета.

²¹ Надо полагать, Кузмин нашел некоторую переключку со своими «винными» предпочтениями, переводя текст Ганса Бетге (для исполнения «Песни о земле» Густава Малера в марте 1929 г. в Большом зале Ленинградской филармонии). Избегая далеко идущих выводов, приведем начало первого стихотворения цикла, «Застольная песня о земных бедствиях»:

Вот и вино в злаченных бокалах,
Но пить постой, пока песню спою.
Та песнь печали, как смех,
Отзовется в вашем сознании.

<...>

Мрачно в этой жизни,
Ждет нас смерть.
Дома хозяин,
В подвалах есть довольно
Златого вина.
Вот эту лютню мне подай!
Играть на лютне
И касаться чаши, —
Очень подходит
Ведь одно к другому!

Если бокал вина
Вовремя взят,
Он стоит любого царства
Во вселенной.

(Цит. по: *Дмитриев П. В.* «Академический» Кузмин // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры.* 1995. Vol. I. № 3. С. 204).